

Санька Тихонов смотрел этот фильм шесть раз. Соседка, тётя Клава, работала в кинотеатре и, с условием, что Санька поможет собрать мусор в зале и вымыть полы в фойе, договорилась с директором, что на последний сеанс его будут пускать бесплатно.

Санька сидел в проходе между пятнадцатым и шестнадцатым рядом на табуретке, принесённой из каптёрки, где хранились швабры, пустые вёдра, тряпки. И чувствовал к себе огромное уважение. Ещё бы, на этот фильм уже месяц буквально ломился весь город, людской водоворот отчаянно кружился возле касс, и счастливиčky, добывшие билеты, гордо проходили через неширокую дверь, возле которой дежурили два милиционера.

Фильм был трофейным, немецким, назывался «Девушка моей мечты». Санька уже знал сюжет наизусть и всё равно зачарованно смотрел на экран, где любили, пели, танцевали артисты, так непохожие ни на кого из жителей города, в котором жил...

Этот город — Ташкент, куда они с матерью попали ровно три недели назад, стал для него уже родным и привычным. До того, как переехать, Санькина мать всю войну работала

хирургом в военном госпитале в Новосибирске, и Санька давно привык чувствовать себя взрослым и самостоятельным. Мать пропадала в госпитале с утра до вечера, часто даже оставалась там ночевать.

После того как пришла похоронка о гибели отца под Ржевом, мать сильно изменилась. Стала молчаливой, неубычливой и, старась не разбудить Саньку, часто плакала по ночам. Но Санька всё равно слышал, старательно показывал, что крепко спит, изо всех сил закрывал глаза и утыкался лицом в подушку. Он чувствовал ответственность за мать: убирал комнату, топил печку, натаскивал воду из колонки. Ему было приятно, когда, сидевшие на завалинке соседки, вслед говорили:

— Настоящий мужик растёт.

И хотя ему было почти пятнадцать, Санька чувствовал себя взрослым.

Кем станет, когда вырастет, он не знал. Любимым предметом у него, пожалуй, была физкультура, по остальным же, честно говоря, выручала хорошая память.

Однажды, после работы, мать сказала:

— В Ташкенте открывается большой госпиталь, и меня направляют туда — заведовать хирургическим отделением. Так что, скоро поедем...

Про Ташкент Санька никогда не слышал. Правда, как-то на уроке географии, краем уха, что-то разобрал, когда училка рассказывала об Узбекистане — республике, где растёт хлопок. И вроде говорила о Ташкенте. Но Санька тогда сражался в морской бой с соседом по парте и ему просто необходимо было потопить вражеский линкор. Видимо, поэтому рассказ о Ташкенте пропустил...

Собрались они быстро, тёплые вещи, без которых в суровые новосибирские зимы не выживешь, мать раздала на работе. А на удивлённый взгляд Саньки объяснила:

— В Ташкенте жарко. Даже зимой снега не бывает.

Санька не поверил. Как не бывает? Ведь зимой снег выпадает везде. И в Москве, и в Ленинграде, где однажды до войны был с родителями. А уж в Новосибирске — так вообще лежит по полгода. Ну и хорошо, что лежит. Зальёшь каток — хоть месяцами можно шайбу гонять. Коньки у Саньки хорошие — дутыши. Если Санька играет в хоккей — обязательно забьёт штук пять шайб. Правда, играют они пустыми консервными банками из под тушёнки. Где настоящие шайбы достанешь, когда только недавно война окончилась...

Но мать сказала:

— В Ташкенте снега нет, и коньки не пригодятся, поэтому подари кому-нибудь из друзей.

И Санька подарил — Витьке Семёнову.

— Спасибо, счастливо выдохнул

Витька. На твоих дутышах теперь по десять штук за игру забивать буду.

Санька даже обрадовался, что коньки перейдут к Витьке. Хороший он парень, и друг надёжный. А то верёвками прикручивал старые коньки к валенкам. Санька вздохнул. Жалко, что растаются...

В Ташкент поезд тащился медленно, подолгу останавливался на многочисленных разъездах и небольших станциях. Пока мать читала какие-то медицинские книги, Санька глядел в окно. Вдоль путей сначала виднелись густые леса, потом они начали редеть, появились зелёные луга, а через неделю потянулась уходящая за горизонт степь. И хотя была только середина мая, в вагоне стало жарко. В опущенные стёкла ветер вдувал сухой воздух, от которого было тяжело дышать.

— Мама, смотри, верблюды!

По степи друг за другом степенно шагали шесть верблюдов, навьюченных какими-то туго набитыми мешками. На последнем сидел мальчишка в рваном халате с палкой в руке. Увидев поезд, он широко улыбнулся и помахал ему рукой...

В Ташкент приехали ночью, когда Санька спал. Разбудила его мать, взяв чемоданы, они вышли на перрон. Там тускло горели фонари. Санька посмотрел на небо. Оно было чистым, и с него светили крупные звёзды.

Поселили их недалеко от гостиницы, в большую длинную комнату с высоким потолком. Из неё дверь

вела на кухню, в углу которой стояла печь, выбеленная извёсткой. Печь была похожа на ту, что была в Новосибирске. Только гораздо меньше.

Пока мать вытаскивала вещи из чемоданов, Санька подошёл к окну. В палисаднике, окружённом невысоким заборчиком, росла большая яблоня. С раскидистых веток россыпью свисали крупные зелёные яблоки. Солнечный луч вдруг яркой жёлтой стрелкой проскочил в просвет между листьями, над Санькиным плечом влетел в комнату, упёрся в стену, и комната вдруг засветилась, наполнилась светом.

— Смотри, Санька, — сказала мать. — Хорошая примета. Значит, Ташкент нас принял...

Ташкент Саньке понравился. В этом городе было всё удивительно. По улицам не спеша вышагивали запряжённые в телеги с большими колёсами серые ослики, которых здесь называли ишачками. На телегах перевозили разные вещи, даже мешки с углём. По совету соседки тёти Клавы, мать запасла на зиму два мешка мелкого ангреноского угля. И вместе с Санькой аккуратно сложила в углу, рядом с печкой.

Несмотря на жару, многие были одеты в халаты, а на голове носили каракулевые папахи или тубетейки.

Мать до поздней ночи пропадала в госпитале и договорилась с тётей Клавой о том, что готовить для Саньки будет она. Мать питалась в госпитале, иногда приносила с работы Саньке печенье, конфеты-карамельки, кусочки рафинада, акку-

ратно завернутые в медицинскую салфетку...

По утрам тётя Клава брала две авоськи и шла на базар. Иногда брала с собой и Саньку. Сперва от вида узбекского базара Санька оторопел. Он и не представлял, что на свете бывает столько овощей, фруктов, лепёшек, каких-то разноцветных пряностей, множества других, совершенно не знакомых ему вещей. Всё это было разложено на широких мешковинах, постеленных прямо на земле. Продавцы громко хвалили свой товар, размахивали руками, просили попробовать иссиня-чёрный виноград — кишмиш, перламутрового цвета гроздь дамских пальчиков. Рядом лежали крутобокие персики, золотистые абрикосы, спелые груши, краснющие большие помидоры, пупырчатые огурцы. От такого разнообразия и аппетитных запахов Санька даже сглотнул слюну.

В Новосибирске ничего подобного и в помине не было. На небольшом колхозном рынке продавалась морковь, свёкла, капуста, картошка в ведрах, ягоды, грибы, молоко. В отдельном ряду торговали мясом и рыбой, которую привозили рыбаки, промышленявшие на широченной Оби.

Но тётя Клава осторожно обходила всё это изобилие, покупала всё, что необходимо для борща, который готовила в большой кастрюле на керосинке.

— Продукты опять подорожали, — вздыхая, жаловалась она Саньке

дома, разливая в тарелки дымящийся борщ. — Пенсию за погибшего сына начислили маленькую, да и на работе в кинотеатре платят гроши. — Спасибо, хоть твоя мать деньгами помогает. Тяжело жить, — опять вздохнула тётя Клава. И продолжила: — Ты, Санька, ешь, ешь. Давай ещё добавки налью. Борщ-то для здоровья полезен!

Одно только было плохо. За три недели он не нашёл себе друга. Как-то так получилось, что на улице, где Санька теперь жил, по соседству галдела одна малышня, с утра до вечера плескавшаяся в узеньком арыке. Санька даже несколько раз доходил до школы, в которой будет учиться. Думал, может встретит кого-нибудь там. Но длинное одноэтажное здание было закрыто. Сторож, сидящий на крыльце под вывеской «Школа № 64» и маленькими глотками отхлёбывающий зелёный чай из синей пиалушки, посоветовал:

— Никого сейчас не найдёшь. Приходи в конце августа.

Вздохнув, Санька зашагал дальше. От школы отходили три улицы. Санька минуту помедлил и завернул направо, где по обочинам росли высокие тополя. Их стволы были побелены до середины извёсткой. С тополей слетал белоснежный пух, и Саньке на минуту показалось, что он снова перенёсся в Новосибирск, где начался сентябрь, и с тусклого серого неба сыпались крошечные снежинки, так похожие на тополиный пух.

Он прошёл ещё немного и увидел большую площадь. Куда-то спешили

люди. По рельсам со скрежетом, непрерывно названивая, медленно тащился переполненный трамвай. В центре площади возвышалось, окружённое строительными лесами, массивное здание. Полукруглые арки подпирали стройные колонны, а над фасадом рабочие устанавливали похожие на восточные кувшины здоровенные фонари.

Рядом со стройкой несколько солдат, расстегнув мокрые от пота гимнастёрки, травили анекдоты. Люди подходили к ним, угощали свёрнутыми из газетной бумаги самокрутками, набитыми ядрёным табаком, интересовались, что строят.

— Начальство гуторит — Театр оперы та балета, — выпустив струйку дыма, объяснял низкорослый рыжий красноармеец. — У нас, в Киеве, в Украине, давно такой исть.

— А что, своих строителей не хватает? — спросил парень в узбекской тюбетейке. — Надо же, кучу пленных японцев из Квантунской армии аж с Дальнего Востока нагнали.

— И правильно сделали, — отозвался пожилой мужчина, с медалью «За взятие Будапешта» на лацкане чесучёвого пиджака. — Нехай трудом займутся, хлебнут, как и мы, лиха!

Мимо равнодушно обернувшегося солдата, Санька подошел к стройке поближе. Как раз настало время обеда. Низкорослые узкоглазые японцы, в грязных выцветших гимнастёрках и брезентовых тапочках на деревянной подошве, расположились кружком, и начали есть из

алюминиевых мисок. Поодаль от них сидели человек десять светловолосых людей.

— Это немцы, — сказал пожилой мужчина с медалью. — Дотопали, значит, до самого Ташкента. Только не сами, а под конвоем.

Немцы достали аккуратно завёрнутые в газету ломтики хлеба, варёные картофелины и начали не спеша, аккуратно есть.

Один из них, худенький белобрысый парнишка с голубыми глазами, вытащил гармошку, приложил к губам.

Санька удивился. Это была мелодия из фильма «Девушка моей мечты». Его любимого фильма!

— Эй, русский! — окликнул Саньку белобрысый парнишка. — Нравится, как играю? Хлеб есть? Давай меняться. За буханку тебе финский нож сделаю. Красивый, с наборной ручкой.

— Хлеба нет, — сказал Санька. — Могу яблоки принести.

— Зер гут. Яблоки тоже ничего, — согласился белобрысый. — Тебя как зовут?

— Санька. А тебя?

— Гюнтер.

— Ты, Гюнтер, хорошо говоришь по-русски.

— У вас, в России, научился. Тебе сколько лет?

— Скоро пятнадцать. Через месяц исполнится.

— А мне через три дня тоже фюньфейн — пятнадцать. Хочешь, ещё сыграю?

Он поднёс гармошку к губам, набрал в лёгкие воздух и снова заиграл ту же мелодию.

— Её поёт фройляйн Марика Рёкк, — закончив, объяснил он Сань-

ке. — Я эту песню по радио слышал, когда весной 45-го призвали в фолькштурм, на защиту фюрера.

— И ты стрелял в наших солдат?

— Nein! Nein! Вся Германия знала, что война проиграна. И как только увидели русские танки, сразу сдались.

— А почему попал в Ташкент?

— На допросе говорил русскому герр офицер, что в мастерской отца работал на шлифовке мрамора. Отец даже поручал мне делать самую важную работу! Потом мне сказали, что в Ташкенте строят театр, и отправят работать туда.

— Заканчивайте обед! За работу! — громко крикнул один из солдат.

— Я завтра тоже приду! — крикнул Санька Гюнтеру...

Санька шёл домой медленно. Думал. По правде говоря, Гюнтер ему понравился. Вроде хороший парень, несмотря на то, что немец. И не фашист! Как может быть фашист его ровесником, уметь шлифовать мрамор и классно играть на губной гармошке? Но всё рано, нужно будет завтра расспросить Гюнтера поподробнее.

Следующее утро Санька начал с того, что в палисаднике палкой сшибал с дерева яблоки. Яблоки падали вниз, прямо к Санькиным ногам, были крупными и спелыми. Санька сложил их в авоську, с которой ходил с тётей Клавой на базар. Яблок было ровно девятнадцать. Санька посчитал.

К строящемуся театру он подошёл вовремя. Со строительных лесов как раз начали спускаться японцы, они, достав миски, становились в длин-

ную очередь к полевой кухне за едой.

Гюнтера Санька заметил сразу. Тот стоял рядом с другими немцами в конце очереди. Санька подошёл нему, протянул авоську с яблоками.

— Рядом с нашим домом тоже росла яблоня, — сказал Гюнтер и вздохнул, — только яблоки были красные и поменьше. Мать из них готовила вкусный джем.

— А где сейчас твои родители? — поинтересовался Санька.

— Погибли. Отец, мать, две сестрёнки. И дом, и мастерская отца, и яблоня. Когда англичане бомбили Дрезден.

Санька тоже вздохнул. Ему хотелось сказать, что его отец тоже погиб на фронте, но как-то было неудобно, и он промолчал.

Гюнтер вытащил из кармана гармошку, сказал:

— Это отцовская. Отец научил на ней играть. Хочешь посмотреть?

Он протянул гармошку Саньке.

Гармошка была красивой. Её изящный деревянный корпус скрепляли металлические пластинки. На верхней, обтянутой тонкой коричневой кожей, были изображены два маленьких овальных цветных женских портрета. И золотым готическим шрифтом тянулась надпись: *Unsere Lieblinge*.

— Знаешь, что обозначает надпись, — спросил Гюнтер. — *Unsere Lieblinge*. Нашим любимым... «Сейчас сыграю для наших любимых», — всегда говорил отец, перед тем как брать гармошку в руки.

Очередь к котлам, где два низкорослых японца половниками накладывали в миски еду, тянулась медленно, и Санька произнёс:

— Мелодия, которую ты играл — из фильма «Девушка моей мечты».

— Откуда знаешь? — удивился Гюнтер.

— Я этот фильм шесть раз смотрел в нашем кинотеатре. Меня пускают, потому что после сеансов нужно убрать в зале и вымыть полы в фойе.

Гюнтер вздохнул.

— Как бы я хотел посмотреть этот фильм, — грустно произнёс он.

— Завтра же у тебя день рождения, — вдруг сказал Санька. — Хочешь на него пойти?

— Конечно! Но в лагере, где мы живём, вечерняя поверка ровно в десять. Сразу заметят, что меня нет.

Он помолчал. Потом отчаянно махнул рукой. Произнёс:

— Хорошо. *Was kommt wird kommen*. — Что будет, то будет!...

Вечером Санька попросил.

— Теть Клава, можно, завтра мне товарищ поможет? А то спина разболелась, на сквозняке продуло. Вы не волнуйтесь, мы постараемся.

— Ну ладно, — согласилась тётя Клава. — На входе предупрежу, чтобы пропустили. Только смотрите у меня, убрано должно быть чисто, а то знаю я вас, мальчишек...

Всё вышло просто отлично. Перед самым окончанием работ Гюнтер осторожно, чтобы не заметили разговаривающие с какой-то залиvisto смеющейся девушкой солдаты-

охранники, отошёл от театра, сме- шавшись со спешившими к трам- вайной остановке людьми, перебе- жал площадь. И почувствовал, как Санькина рука ухватила его за рукав.

— Надень, — сказал Санька. — В ней тебя никто не узнает.

Гюнтер на самые глаза натянул протянутую кепку, скрывшую корот- кие белобрысые волосы и веснушки на переносице.

— Зер гут, — произнёс Гюнтер. — Сейчас куда?

— Смотреть фильм. Нас пропу- стят. Я договорился.

И они направились к кинотеатру.

В каптёрке они подождали, пока начнётся сеанс, захватили табуретку и устроились в проходе рядом с по- следним рядом. Табуретку постави- ли углом, чтобы можно было сесть двоём. Правда, было тесно, но зато экран видно хорошо, ничьи головы его не заслоняли. На экране появи- лась надпись: «Этот фильм взят в качестве трофея», затем название — «Девушка моей мечты», и песня Ма- рики Рёкк разнеслась по залу.

Гюнтер напрягся, подался вперёд. Саньке показалось, что он изо всех сил всматривается в экран, стара- ется перенестись туда, в знакомый ему мир, где жили он, его отец, мать, две сестрёнки, а перед домом рос- ла яблоня, приносящая небольшие красные яблоки, из которых получа- ется вкусный джем...

Сеанс закончился, зрители разо- шлись, Санька принёс из каптёрки веники, ведра, тряпки. Работали они

споро. Подмели полы, до блеска вымы- ли фойе. Санька был уверен, что тётя Клава останется довольной их работой.

Потом вышли на улицу.

Было уже темно, Гюнтер сказал:

— Я не смогу попасть в лагерь. Там на вышках охрана, а колючую проволоку никак не обойти.

— Знаешь, — предложил Санька, — заночуешь у меня, мать сегодня в госпитале дежурит. А утром, прямо к театру подойдём. Может, никто и не заметит, что тебя не было.

Гюнтер кивнул.

Дома, Санька вскипятит чай, до- стал из шкафчика лепёшку, яблоки, принесённое матерью с работы пе- ченье, кусочки рафинада.

Весь вечер Гюнтер молчал, и только, когда лёг на диван, на кото- ром ему постелил Санька, негромко сказал:

— Ты теперь мой самый близкий друг...

Вжавшись спинами в стену дома, они смотрели, как к театру подошла колонна японцев. Впереди, по бокам и сзади шагали солдаты с винтовка- ми наизготовку.

По команде японцы разделились на бригады, одни зашли вовнутрь театра, другие полезли на строи- тельные леса и на крышу.

— Я пошёл, — тихо произнёс Гюнтер.

Он повернулся к Саньке и вдруг протянул ему губную гармошку.

— Сохрани её, — сказал Гюнтер. — Если всё кончится хорошо, отдашь.

Затем подождал, пока проедет сту- чачий на стыках рельс трамвай, и мед-

ленно, через площадь, пошёл к театру.

— Да вот он! Вот! Немец, который вчера сбежал! — заорал охранник.

Он сдёрнул с плеча винтовку, щёлкнул затвором.

— Стоять! Хенде хох! Руки за голову!

А к Гюнтеру уже бежало ещё несколько солдат.

Санька хотел бросится к ним, объяснить, что Гюнтер не виноват, это он, Санька, уговорил его пойти в кино и отвечать должен он один. Но ноги почему-то стали какими-то, ватными, и он не мог сделать ни одного шага.

Большая чёрная машина подкачала к Гюнтеру и окружавшим его солдатам с наставленными винтовками. Его затолкали вовнутрь, машина тронулась с места, мгновенно набрала скорость и пропала из вида.

Санька утёр глаза рукавом рубашки, подошёл к солдату, спросил:

— Куда его повезли?

— В Госбезопасность. Слава богу, все благополучно закончилось. А то всех на уши поставили. Полковник приезжал, трибуналом грозился, если не найдём пацана.

— А не знаете, что ему будет?

— Как решат. Может, расстреляют, может отправят на лесоповал в Сибирь лет на десять... Ты иди, иди, а то нам запретили с гражданскими разговаривать...

Вечером Санька попросил маму:

— Можешь узнать о моём друге?

— О каком? — отозвалась она.

— Гюнтере. Мы с ним вчера вечером в кино ходили, а сегодня его в забрали в Госбезопасность.

— Пстой, пстой, — взволнованно сказала мать. — Ну-ка, рассказывай, как всё было.

И Санька рассказал.

Мать вдруг обхватила голову руками, начала раскачиваться из стороны в сторону и вдруг заголосила.

— За что это мне всё, Господи? Муж с проклятой войны не вернулся. Так ещё единственного сына хочешь отобрать. Ну дурак вырос, дурак... Я, я виновата, не уследила. Не уберегла... Запишут в пособия немцев, скажут, побег готовили. За меньшее сажают. А тут — расстрельная статья...

Санька молчал, опустив голову. Потом лёг на диван, отвернулся к стене и вдруг почувствовал, как мать легла рядом, прижалась к нему всем телом. Слезы катились из её глаз, стекали на Санькину шею и мать шептала ему в ухо:

— Никому тебя не отдам, никому. В ногах буду валяться, умолять, чтобы простили...

Закончился июнь, июль, затем август, и Санька начал учиться. С новыми друзьями гонял в футбол на пустыре за школой, нырял в речку с невысокого моста. Но иногда на него накатывала какая-то непонятная грусть, из ящика буфета он доставал аккуратно завёрнутую в медицинскую салфетку губную гармошку. Её изящный деревянный корпус скрепляли металлические пластинки. На верхней, обтянутой тонкой коричневой кожей, были изображены два маленьких цветных женских портрета. И тянулась золотым готическим шрифтом надпись: *Unsere Lieblinge*. Нашим любимым...